

Александр Васильев
Людмила Лопато

*Царница
парижских
кадаре*

Москва
2011

УДК 82-94:78.071
ББК 84-4:85.314
В19

Редактор Полина Суворова

Васильев А.А.

В19 Царица парижских кабаре / Александр Васильев, Людмила Лопато. — М.: Альпина нон-фикшн, 2011. — 335 с.

ISBN 978-5-91671-115-8

Новая книга известного историка моды посвящена Людмиле Лопато, которую в 40-е годы прошлого века называли царицей парижских кабаре — самой русской из парижанок и самой очаровательной парижанкой из русских. Она была знакома с Кшесинской, князем Юсуповым, Анной Павловой, Шаляпиным, Вертинским, Галичем, Нуриевым... Открыла в Париже ресторан «Русский павильон» у Елисейских полей, любимый и бомондом, и богемой. Ее живой рассказ с комментариями Александра Васильева воссоздает атмосферу, в которой жили и творили люди, вынужденные после революции покинуть Россию, но сохранившие ее театральные, музыкальные и даже гастрономические традиции.

УДК 82-94:78.071
ББК 84-4:85.314

Все права защищены. Никакая часть этой книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, включая размещение в сети Интернет и в корпоративных сетях, а также запись в память ЭВМ для частного или публичного использования, без письменного разрешения владельца авторских прав. По вопросу организации доступа к электронной библиотеке издательства обращайтесь по адресу lib@nonfiction.ru.

Руководитель проекта <i>И. Серёгина</i>	Подписано в печать 28.06.2011.
Корректор <i>М. Миловидова</i>	Формат 84×108/32.
Верстальщик <i>Е. Сенцова</i>	Объем 10,5 печ. л.
Дизайнер обложки <i>С. Куликова</i>	Тираж 5000 экз.

Фотографии из личного архива А. Васильева и Л. Лопато

Альпина нон-фикшн
123060, г. Москва
ул. Расплетина, д. 19, офис 2
Тел. (495) 980-5354
www.nonfiction.ru

© А. Васильев, 2011
© Д. Харвич, 2011
© ООО «Альпина нон-фикшн», 2011
ISBN 978-5-91671-115-8

Содержание

Звезды и созвездие	7
<i>Вместо предисловия</i>	
Глава первая	27
<i>Моя родина. Моя судьба. Мои мама и папа, «люди стиля модерн»</i>	
Глава вторая.	45
<i>«Марь Иванна, очень странно...» Первые артистические впечатления. Вертинский, Лемешев, Елена Трутовская. «Харбинский киднепинг»</i>	
Глава третья.	55
<i>Пароход Шанхай — Марсель. Французские лошади не похожи на китайских! «Беби-балерины». Париж. Коровин, увы, не пишет мой портрет</i>	
Глава четвертая	67
<i>Возлюбленные леди Детердинг. Как я получала английское воспитание</i>	
Глава пятая.	75
<i>Мои караимские корни</i>	
Глава шестая	81
<i>Мой сценический дебют. Русская консерватория в Париже. Князь Волконский и Шаляпины. Уроки у Медеи Фигнер</i>	
Глава седьмая	91
<i>Смерть папы</i>	
Глава восьмая	97
<i>Кодекс элегантности. Последняя песня Плевацкой. Князь Феликс Юсупов и «Кирпичики». «Яр», «Доменик», «Мартьяныч» и «Шехерезада»</i>	

Глава девятая	113
<i>Иза Кремер, Нюра Масальская, Юрий Морфесси. Русские манекеницы в парижских Домах моды</i>	
Глава десятая	129
<i>Очень красивый мальчик Никита из пансиона в Жуан-ле-Пен. Наша свадьба. Переезд в США</i>	
Глава одиннадцатая	141
<i>Грета Гарбо в темно-красном бархате и в соболях. С. А. Кусевицкий и его единственный совет крестнику</i>	
Глава двенадцатая	147
<i>Кролик Иван Петрович и дети Буньюэля. Начало войны. «Темная ночь». Моя первая пластинка</i>	
Глава тринадцатая	161
<i>Никита — бизнесмен. «Русская чайная» и «Самовар». Орхидеи и разорванный чек</i>	
Глава четырнадцатая	173
<i>Молодой человек с собакой Гун-Герль. Васильки на летном поле. «Частушка, в пятницу женимся!» Бегство, бегство и окончательное бегство</i>	
Глава пятнадцатая	179
<i>«Динарзад», «Казанова», «Ночь в Париже»</i>	
Глава шестнадцатая	189
<i>«В гостях у Людмилы Лопато». Фильм «Распутин». Жгучие тайны Азии</i>	
Глава семнадцатая	197
<i>Ужин у Кшесинской. Владимир Кшесинский-Романов и его черепаха. Графиня Лилиан и Серж Лифарь</i>	
Глава восемнадцатая	205
<i>Каникулы с Делано и мои путешествия</i>	
Глава девятнадцатая	211
<i>Шампанское с малиновым соком и главная встреча в моей жизни</i>	
Глава двадцатая	219
<i>«Маленький Москвин» русского Парижа. Киса Куприна. Федя Протасов у цыган Димитриевичей</i>	

Глава двадцать первая	237
<i>«Все это слегка напоминало свадьбу...» Наш второй спектакль. Ирина Строчици — «пани Ирэна»</i>	
Глава двадцать вторая	247
<i>Русский артистический Париж пятидесятих</i>	
Глава двадцать третья	255
<i>Дело моей жизни, «Русский павильон»</i>	
Глава двадцать четвертая	267
<i>Я не знаю точно, как создать успешный ресторан</i>	
Глава двадцать пятая	283
<i>Наши путешествия. Русские конфеты. Свадебная полость из белого меха. Жан Татлян. «Пора освободиться»</i>	
Глава двадцать шестая	291
<i>Новый «Русский павильон». «Вы хотите песню веселую или грустную?» Путаны, реклама, наряды... и другие проблемы ресторатора</i>	
Глава двадцать седьмая	303
<i>Русская Пасха на французском телевидении. Ростропович празднует в моем ресторане падение Берлинской стены</i>	
Глава двадцать восьмая	313
<i>Именины принцессы Монако. Потомки «Пиковой дамы». Не открывшийся «Русский павильон» в Монте-Карло и... закрывшийся в Париже</i>	
Глава двадцать девятая	325
<i>Цветы на террасе. Тишина. Зеркало</i>	
Постскриптум	333
<i>Заповеди</i>	

Людмила Лопато в концертном платье.
Фотография фотоателье «Ирис». Париж, начало 1950-х гг.

Звезды и созвездие

Вместо предисловия

Странно теперь подумать, но самой прочной связью между русской эмиграцией XX века и «исторической родиной» были не вещавшие на СССР западные радиостанции (на которых работали многие выдающиеся наши литераторы), не «тамиздат», чудом проникавший в страну, и даже не память людей старших поколений, сохранявших в душе образ своей родины до 1917 года, но — песня. Не только народная, а и салонная... и даже ресторанная, «кабацкая».

Как бы ни был тяжел и прочен «железный занавес» между Советской Россией и Россией Эмигрантской, слухи о русских кабаре — иначе говоря, о ресторанной песне за границей — не только доходили до ушей советских обывателей, но и обрастали попутно ворохом всевозможных небылиц. Само словосочетание «эмигрантская песня» стало более чем устойчивым, и, несмотря на все запреты, на Родине барды и просто поющие под гитару на кухнях на протяжении долгих лет озвучивали с «чужого голоса» ставшие классическими куплеты о дочери камергера, в прошлом институтке, обернувшейся в Париже «черной молью и летучей мышью», и о звоне колоколов в Москве Златоглавой, который слышен и в зарубежье...

Живя в СССР, мы не знали ни имен легендарных эмигрантских певцов, ни всей сокровищницы их непо-

нятного нам, но заманчивого репертуара, но слышали всегда, что где-то там, далеко, в русских ресторанах-кабаре Константинополя, Парижа и Нью-Йорка идет кутеж, сопровождаемый цыганами, слезами и шампанским. Не имея нормального, реального представления о заграничной жизни, мы на протяжении трех четвертей последнего столетия черпали сведения о том, как живут за пределами России миллионы наших соотечественников, из песенного фольклора. Особенно популярной была песня о ночной жизни Марселя, где танцуют голые девочки, дамы носят соболя, лакеи носят вина, а воры, в свою очередь, носят фрак... Как ни карикатурны были эти зарисовки ночной жизни, в них заключалась доля правды. Переломным моментом в расширении наших знаний о ресторанно-варьетешно-кабаретной жизни эмиграции стала Вторая мировая война. Если маленькие русские кабаре Риги и Таллина не были ярким примером этого редкого и, увы, сейчас почти совсем исчезнувшего, вместе с XX веком, видом искусства, то появление на горизонте двух знаменитых отечественных певцов кабарежного жанра в 1940-е годы сыграло огромную роль в знакомстве всей страны с «эмигрантско-ресторанным» репертуаром.

Первой ласточкой был Александр Вертинский, проживший в эмиграции более 20 лет и по собственной воле, с женой, тещей и маленькой дочерью, вернувшийся в СССР в тяжелый 1943 год из Харбина. Как ни странно, Вертинскому позволили и петь, и гастролить, и даже сниматься в кино. Замечательные, за душу забирающие баллады-романсы о пани Ирэн, о бананово-лимонном Сингапуре, о прощальном ужине — взбудоражили умы россиян, изголодавшихся за годы войны по «чистой лирике», попавших в томительно-прекрасный плен мелодий Вертинского, кружевное переплетение рифм и замороженных шар-

мом его замечательного, совершенно индивидуального и особенного исполнения.

Возвращение Вертинского включило его творчество в контекст отечественной культуры и породило полчище более или менее удачных имитаторов, из которых, увы, никто славы не обрел. Не столь счастливым было возвращение на Родину, во время той же войны, Петра Лещенко, долгие годы выступавшего в Бухаресте. НКВД не простило популярному певцу, звезде 1930-х годов, ни гастролей в оккупированной румынами во время войны Одессе, ни эмиграции — и Лещенко погиб в тюрьме. Однако даже «мертвый Лещенко» разошелся по всей стране в самодельных пластинках-«ребрах», гравированных на старых рентгеновских снимках в конце 1940-х — начале 1950-х годов.

Гораздо труднее и тернистее был в СССР путь к умам и сердцам двух других звезд дореволюционной эстрады и впоследствии столпов песенного жанра русской эмиграции — Изы Кремер и Юрия Морфесси. Никогда в страну не возвращавшиеся, их записи с пластинок из архивов немногочисленных коллекционеров стали переиздаваться лишь в последние годы. Напрочь забытые на протяжении долгих лет широкой публикой, Кремер и Морфесси так никогда, несмотря на незаурядность их талантов, не достигли ни славы, ни почитания, которыми сегодня пользуются Вертинский и Лещенко.

Я прекрасно помню, как в эпоху Брежнева в 1970-е годы в Москве ходила по рукам много раз переписанная кассета под названием «Париж — цыгане». Как я понял много позднее, на ней пели Дмитриевичи, и я юношей заслушивался их особым произношением, отличающимся той отчетливой манерой в русских романсах мять и проглатывать слова, которую трудно описать, но, раз услышав, не забыть уже никогда.

На той же «самиздатской» кассете было несколько песен в исполнении Людмилы Лопато. Тембр ее голоса потряс меня в одночасье, задушевность тронула сердце и пробудила удивительные мечты. Невольно я стал воображать себя в Париже или почему-то в Тегеране, за столиком в эмигрантском кабаре, наполненном звуками румынской скрипки, восторженными возгласами гуляк и теми песнями, в которые нельзя не влюбиться. Но тогда, естественно, я и думать не мог, что русский эмигрантский Париж станет частью моей судьбы и что Людмила Лопато сделает меня своим конфидентом и летописцем.

Справедливости ради надо сказать, что в России важной связующей нитью между канувшими в Лету кабаре, русской эмиграцией и Родиной стала певица Алла Баянова, приехавшая из Бухареста в Москву в 1980-е годы, в период перестройки. Баянова появилась в России в расцвете творческих сил, с огромным, неслыханным репертуаром русского и цыганского романса, редкого эмигрантского «шансона», и объездила с концертами всю страну, собирая многочисленные залы почитателей. Таким образом она вызвала волну огромного интереса к редкому, подчас и вовсе забытому песенному репертуару, лучше сохранившемуся в недрах русской эмиграции именно благодаря успеху «русских кабаре» во всем мире. Вслед за Баяновой в России выступали на бывшей родине и даже переехали туда жить несколько исполнителей фольклора «третьей волны» эмиграции — 1970-х годов, в основном прославившихся в США, в окрестностях Брайтон-Бич, но работавших уже в другом, более массовом и популярном жанре.

В начале нового, XXI века, старый, эмигрантский Париж со своей ночной жизнью встает перед нами в эмоциональных воспоминаниях «Императрицы русского ночного Парижа», знаменитой певицы и хо-

зайки очень успешного парижского русского ресторана Людмилы Лопато. Смее утверждать, что сам жанр песенного кабаре, где мелодия имеет не меньшее значение, чем поэзия, издавна сроднен с русской культурой. В любви кутить, а это значит кушать, пить и слушать песни, мы, по счастью, не одиноки. Такой же слабостью страдают, как ни странно, многие латинские на-

*Людмила Лопато, Александр Васильев и Ольга Ришкевич.
Париж, 2002 г.*

ции, особенно испанцы с их зажигательными танцами «фламенко» под звуки песен «зарзуэлы», и португальцы, с их великолепными, щемящими сердце «фадос». Ближе всего, на мой взгляд, к лирико-драматическим качествам русского и цыганского романса подошли латиноамериканские песни «болерос» (как это созвучно русскому «болею»!), где страдания по поводу неразделенной или потерянной любви накалены до такого же крайнего, последнего предела, как и у нас. Возможно,

в этих традициях есть что-то общее, и это общее — цыгане.

Именно они, вольный кочевой народ, восхищавший Пушкина, а с ним и целую плеяду русских писателей, музыкантов и художников, держали первенство в России XIX века в хоровом пении в ресторанах «Яр» и «Стрельня», о чем по сей день поют в романсе «Что за хор певал у Яра». Предыстория цыганских хоров в России уходит в глубь времен. Еще в эпоху Екатерины Великой ее фаворит граф Григорий Орлов организовал первый цыганский хор из музыкально и вокально одаренных цыган, выходцев из Молдавии, под руководством знаменитого Ивана Трофимова. В составе хора были первая цыганская вокалистка России в эпоху Александра I Стеша Каталани и Олег Васильев. Успех цыганского пения оказался настолько велик, что вслед за Орловым другие фавориты императрицы — князь Потемкин, граф Зубов и граф Зорич — создали свои собственные цыганские хоры для вечеров и кутежей. Постепенно цыгане поселяются в столицах: в Петербурге — на Песках, в Москве — на Грузинах. Многие цыганские и русские романсы были записаны с напева хора Ивана Трофимова и стали классикой уже в пушкинскую эпоху, а впоследствии знаменитый Илья Соколов, племянник Трофимова, вместе со своим хором создал огромную вокально-песенную коллекцию русско-цыганского романса, дошедшую частями и до нашего времени. Цыгане пели в ресторанах и трактирах, и постепенно русский праздник XIX века стал невыносим без перебора гитары и задушевного голоса. Именно эта традиция и перешла затем в эмиграцию, когда поиски утраченной страны сузились до атмосферы ночного кабаре...

В период между 1870 и 1900 годом подмосковный роскошный ресторан «Яр» становится центром паломничества для тех душ, которые уже «не могут жить без шам-

панского и без табора, без цыганского». Его главным соперником была «Стрельня», созданная Иваном Федоровичем Натрускиным и прославившаяся своим зимним садом с экзотическими растениями. Он назывался «Мавританией». Там тоже вечера не обходились без цыганских напевов, послушать которые съезжалась «вся Москва». История донесла до нас несколько имен знаменитых цыганских певиц той поры — это, прежде всего, Мария Соколова, Малярка и Феша. Атмосфера цыганских ночей того времени замечательно воспроизведена в пьесе Толстого «Живой труп». Москва конца XIX века прославилась трактирами, где тоже выступали цыгане в более непринужденной атмосфере пьяного раздолья. Такими модными и популярными местами для бесконечных ночей с песней стали «Голубятня», «Лопачев», «Бубнов», «Крым», «Сибирь», «Егоров» и «Тестов»...

Однако атмосферой музыкальных вечеров в ресторанах Москва и Петербург очень различались. Школа петербургского цыганского пения под руководством семьи Шишкиных дала России таких замечательных исполнительниц цыганского романса, как Настя, Стеша и Варя. Именно в Петербурге, в хоре гитариста Шишкина, молоденькая цыганка Леночка впервые исполнила романс «Очи черные», ставший визитной карточкой кабаре русской эмиграции XX века. Там же, в хоре Шишкиных, дебютировала замечательная певица Нюра Масальская, будущая парижская звезда, вышедшая замуж за генерала Непокойчицкого. Об их сыне много вспоминает Людмила Лопато. Знаменитые петербургские рестораны — «Вилла Родэ», «Аквариум» и «Ташкент» — надолго остались символами совершенства в коллективной памяти представителей русской эмиграции, которые всегда желали найти и воссоздать в своих кабаре непринужденную атмосферу великолепных вечеров, отшумевших в России.

В Москве же, в эпоху Серебряного века, стилистика русского кабаре претерпела большие изменения. Знаменитый Никита Балиев создал свою «Летучую мышь» — кабаре, основанное на капустниках Художественного театра, где он сам играл маленькие роли. Это послужило толчком к созданию новых программ, более современных и злободневных. Стиль песенного исполнения становится более поэтичным и эталонным: звездой на

*Никита Балиев в спектакле
«У жизни в лапах». МХТ. Москва, 1914 г.*

небосклоне восходит Анастасия Вяльцева, заработавшая миллионное состояние своим голосом и имевшая собственный железнодорожный вагон для гастрольных поездок. В моду входит молодое поколение вокалистов, таких как Тамара Вавич, Морфесси, Кремер и Вертинский. Все они внесли свою лепту в создание нового жанра искусства, который впоследствии привлекал внимание публики в эмигрантских кабаре, от Харбина до Берлина. Изменяется и стиль исполнения. Управление знаменитым хором в «Яре» переходит в руки семьи Поляковых, где гвоздем программы становится красавица Настя Полякова, выступавшая вместе со своими братьями Егором и Дмитрием. В ночной жизни предреволюционной Москвы появляется еще одна ярчайшая фигура — «московский

негр» Федор Томас, мексиканский метис, родом из Санта-Фе, ставший впоследствии в Константинополе родоначальником искусства русского эмигрантского кабаре. Именно Федор устраивает в Москве, в саду «Аквариум», ресторан «Максим», прославившийся своей первоклассной кухней и цыганами. Сын покойной великой цыганской певицы Вари Паниной, Борис Панин, со своими сестрами стоит во главе музыкальной программы. Именно там Тамара Панина впервые исполнила романс «Любовь прошла», ставший в эмиграции знаменитым и сохранившийся в репертуаре Людмилы Лопато.

Большевиcтский переворот привел к закрытию или национализации всех ресторанов в столицах, и естественно, что стиль цыганского (да и русского тоже) исполнения романсов стал «идеологически чуждым». Но часть цыганского репертуара в Стране Советов все же сохранилась благодаря таким значительным фигурам, как Изабелла Юрьева, прозванная «белой цыганкой». А настоящие цыгане пустились, вслед за любившей их и понимавшей их искусство публикой, в долгие странствия. Сперва Харьков и Киев, затем Одесса, Ялта и Севастополь. А уж когда обескровленная Добровольче-

Никита Балиев и Джеки Куган.
Голливуд, 1930 г.

ская армия не смогла больше стоять на их защите, очень многие из них перешли на положение беженцев и сотнями пароходов были переправлены союзными войсками Антанты в Константинополь. Всего за годы гражданской войны более миллиона россиян разделили их судьбу, увозя с собой любовь к русской песне, цыганским хорам, кутьбе и гульбе без конца.

Древняя столица Оттоманской империи Великий Константинополь стал их временным прибежищем и первой болью. Поиски работы привели многих к идее продолжения в этом городе хорошо знакомого и налаженного в старой России ресторанного дела. Да и без работы и дела они жить не могли — ведь праздник был у них в крови. Первым русским рестораном Константинополя стала «Стелла», располагавшаяся в саду Шишли и открытая бывшим владельцем «Максима» в Москве Федором Томасом вместе с Настей Поляковой и Ницей Колдобаном, ставшим знаменитым еще в России цыганским музыкантом.

На долю «Стеллы» выпал огромный успех в среде русской эмиграции, константинопольского бомонда и офицеров Антанты, оккупировавших босфорскую столицу в те годы. «Стелла» прославилась не только цыганами, но и русской опереттой, при участии сына водочного магната Петра Смирнова и его жены, опереточной примадонны и красавицы Валентины Пионтовской. Там же дебютировала и труппа русского балета под руководством Бориса Князева.

Вслед за «Стеллой» на самой роскошной улице в европейской части города — Пере открывается ресторан «Эрмитаж» г-на Рыжикова, бывшего хозяина «Эрмитажа» в Москве. Там же, на Пере, на втором этаже торгового пассажа, было создано легендарное первое декадентское кабаре эмиграции «Черная роза», где пел Александр Вертинский. Помещение этого кабаре сохра-

нилось до наших дней, и в стенах, слышавших и видевших так много кутежей эмиграции, сейчас расположен бильярдный салон.

Успех русских кабаре и ресторанов был настолько и так неожиданно велик в Константинополе, что вскоре открылось 50 ресторанных заведений и кабаре, которые держали русские беженцы. Этот успех был связан не только с невиданной ранее кухней и блестящими музыкальными программами, но и с тем фактом, что в них стало работать множество титулованных аристократов. Дворянские титулы старой России стали приманкой в ночной жизни Константинополя, как и позднее Парижа. Встретиться с официантом-князем или с графом-гардеробщиком льстило самолюбию многих. Но все же русские женщины, эти великолепные белокурые и голубоглазые гурии, в элегантных платьях от Ламановой или Бризак, в остатках последних фамильных драгоценностей, с манерами баронесс — именно они вызвали самый живой интерес у турецких и греческих нуворишей.

Как писал в своих воспоминаниях Александр Вертинский, «разводы сыпались, как из рога изобилия». Рассерженные этим фактом, одалиски из константинопольских гаремов написали петицию губернатору с просьбой избавить их город от толп назойливых русских беженок. В придачу провозглашенная в 1923 году Турецкая республика во главе с Мустафой Кемалем Ататюрком старалась и сама как можно скорее расстаться с огромным потоком иноверцев. Дольше всех там продержался Федор Томас со своей «Стеллой» — она закрылась со смертью хозяина лишь в 1928 году. Тем временем потерявшая в Первой мировой войне большую часть работоспособных мужчин Франция срочно нуждалась в дешевой и квалифицированной рабочей силе на шахтах и машиностроительных заводах. Франция дала наибольшее количество въездных виз русским эмигрантам, осталь-

ные последовали в Чехословакию, Болгарию, Югославию или Аргентину. Париж стал настоящим центром русской жизни, и из Турции большинство ресторанов и кабаре переехало на берега Сены, обогатив одновременно свои меню некоторыми видами босфорских закусок, которые до сих пор во Франции считают русским изобретением, — например, таких как «тарам», сорта масла из рыбьей икры розового цвета.

Все началось с самого первого цыганского кабаре «Шато Каво Коказьен» («Кавказский погребок»), открытого 22 октября 1922 года на улице Пигаль в доме 54. Там выступал хор Дмитрия Полякова, где солировала знаменитая Настя Полякова. Успех заведения был так велик, что несколько месяцев спустя, в 1923 году, напротив, на Пигаль, дом 63, открылся «Яр» и рядом, на улице Фонтэн — «Тройка». Так создается «русский треугольник» на Пигаль. Спешу успокоить читателя: в период 1920-х годов район этот еще не был оккупирован представительницами древнейшей профессии, пришедшими туда в послевоенное время... На волне успеха за этими ресторанами следуют «Русское бистро», «Казбек», «Золотой петушок», «Минутка», «Медведь», «Домик русских артистов», «Большой московский Эрмитаж» и «Черная роза» (вторая по счету после Константинополя).

Париж приходит в восторг от «русских ночей», и постепенно весь район от Пигаль до Клиши и Монмартра становится «русским». Его население — джигиты в черкесках, горцы с шашлыками, цыганки с монистами, генералы в роли вышибал, балерины с акробатическими номерами, титулованные дворяне в роли официантов, обносящие посетителей чарочками водки и тарелками блинов с черной икрой, — создало уникальную атмосферу ночного русского праздника, который в Париже в бешеную эпоху стремительных 1920-х годов очень многим пришелся по сердцу. Это была замечатель-

ная пора — эмиграция ощущала прилив сил, энергии и надежды на скорейшее возвращение на родину после свержения большевиков. Успех всего русского искусства был необычаен: «Русские балеты» Дягилева, выступления русских оперных звезд, от Шаляпина до Марии Кузнецовой, снятые на студии «Альбатрос» в Монтрейе русские немые фильмы с Натальей Кованько и Иваном Мозжухиным в главных ролях, спектакли «Художественного театра», кабаре «Летучая мышь» Никиты Балиева, русские «Кутюры» — Дома моды, за которыми стояли самые громкие аристократические титулы от Романовых до Трубецких, шесть тысяч русских такси, многочисленные кондитерские, магазины кустарных промыслов, русские газеты и книжные магазины — все это давало почву для подъема и расцвета эмигрантской русской культуры, которыми нельзя было не гордиться, приняв во внимание все тяжести быта и пережитые в России годы.

В 1924 году два русских придворных повара — Алексей Васильевич Рыжиков и Федор Дмитриевич Корнилов — получают высочайшие награды в качестве первых кулинаров Франции; русские рестораны по праву могут гордиться первоклассной кухней. Множество замечательных артистов старой России находят себе работу в парижских кабаре — Кремер, Вертинский, Масальская, Полякова, Морфесси, Северский, Адорель, Бемер, Бразин, Хан-Мануков — и их число все возрастает.

История русских парижских кабаре в основном дошла до нас благодаря замечательному исследованию Константина Казанского, болгарского певца, приехавшего в Париж в 1971 году и заставшего в живых еще многих из плеяды русских артистов той героической поры. Его книга «Русское кабаре» была написана по-французски и стала важным источником всех подробностей на эту богатейшую тему. Кульминацией успеха эмигрантов

было открытие в 1926 году в Париже, на авеню Рашель, роскошного кабаре «Казанова», названного в честь знаменитого одноименного немого фильма с Иваном

Анна Павлова в костюме из балета «Жизель». Англия, конец 1920-х гг.

Мозжухиным в главной роли, о котором немало пишет в своих воспоминаниях Людмила Лопато. Коронованные монархи, звезды Голливуда и сильные мира сего стремились в «Казанову» — лучшее парижское кабаре 1920-х годов, где выступали не только русские, но и знаменитые французские певцы той поры. Невиданный успех «Казановы» вслед за тем разделило кабаре «Шехерезада», открытое Сергеем Ипполитовичем Нагорновым по совету княгини Долгорукой на Рю де Льеж, дом № 3,

3 декабря 1927 года. Оно было так названо в честь балета Михаила Фокина, который показывала с ошеломляющим успехом Дягилевская труппа еще в 1910 году. Гаремная атмосфера кабаре была создана декоратором Борисом Билинским и до сегодняшнего дня является одним из ярчайших памятников эмигрантского искусства в Париже. Управление «Шехерезадой» было поручено полковнику Дмитрию Дмитриевичу Чихачеву, который поставил дела кабаре на недостижимую высоту. «Шехерезаде» посвятил главу своего романа «Триумфальная арка» Эрих-Мария Ремарк.

На волне этого успеха в Париже открылось около ста русских эмигрантских ресторанов. В 1927 году в Париж эмигрирует семья цыган Димитриевичей, начавшая играть огромную роль в жизни ночного Парижа. Обстановка стала портиться осенью 1929 года после невероятного нью-йоркского краха на Уолл-стрит, повлекшего за собой финансовые трудности во всех странах Европы. Многие рестораны и кабаре разорились в одночасье. Даже «Казанова» обанкротился в 1931 году, потом вновь открылся, но, увы, сгорел во время пожара 13 января 1939 года.

Вероятно, одним из самых больших потрясений для русской эмиграции начала 1930-х годов было убийство президента Французской республики Поля Думера русским эмигрантом Павлом Горгуловым 6 мая 1932 года, во время вернисажа художественной выставки. Даже если не вдаваться в причины этого террористического акта и его истинные движущие силы, становится ясно, почему Франция вдруг охладела ко всему русскому и эмигрантскому. К этому печальному событию добавился осадок от двух организованных ГПУ в Париже исчезновений лидеров Белого движения — генералов Кутепова и Миллера.

*Анна Павлова в костюме по эскизу
Л. Бакста к «Умиравшему лебедю».
Англия, конец 1920-х гг.*

Для того чтобы придать своим заведениям более европейский характер, многие русские рестораны «офранцузились» и сменили вывески на менее экзотические. К тому же большинство артистов кабаре, бывших знаменитостями еще в России, стали уставать и стареть. Это же происходило и со многими другими деятелями русского искусства: наступила тяжелая пора траура и расставаний. В 1929 году в Венеции умирает Сергей Дягилев, в 1931 году в Гааге — Анна Павлова, в 1934 году Париж покидает Вертинский, в 1936-м в Нью-Йорке умирает Никита Балиев. Вторая мировая война еще больше ухудшила положение эмигрантских ресторанов и кабаре. Немецкая армия вошла в Париж 14 июня 1940 года и первое время исполнение песен по-русски было вообще запрещено оккупационными властями. Затем некоторые из уцелевших русских ресторанов продолжили работу, но поменяли репертуар согласно новым требованиям. На войне как на войне. В 1945 году в Париже умирает Нюра Масальская. Через год, прямо на сцене, во время выступления, — Ашим Хан Мануков, в Америке — Настя Полякова, а вслед за сестрой и Дмитрий Поляков. Общая картина жизни русских кабаре сильно меняется, и их последующая судьба детально описана в воспоминаниях Людмилы Лопато.

В заключение мне хочется добавить собственные впечатления от моей первой встречи с ней.

Приехав в Париж 1 июня 1982 года, я совсем не представлял, что такое «русские рестораны». Музыкальные кассеты и советские фильмы вроде «Бега» ясной картины не давали. Приятельница посоветовала мне устроиться на работу в русскую блинную на Монпарнасе, которую держал эмигрант из Баку. Эта работа мне не пришлось по душе, и я быстро нашел другую — декоратором в театре, что было и остается моей основной профессией. Однажды, примерно в 1986 году, крупный парижский предприниматель русского происхождения Владимир

Рэн, для племянницы которого, юной принцессы Наташи Строцци-Гвиччардини я делал костюмы во Флоренции, пригласил меня в ресторан Людмилы Лопато, возле Елисейских полей. При этом он предупредил, что дело ее — самое прекрасное из всех русских ресторанов мира. Мы подъехали к большому красному тенту, на котором было написано «У Людмилы», и вошли сквозь густые бархатные занавески.

Сразу после гардеробной нас встретила невысокая дама без возраста, роскошно одетая во что-то длинное и мерцающее, в пестрой расшитой цыганской шали с кистями и увешанная эффектными драгоценностями. От нее исходило невероятное женское обаяние, перед которым устоять не мог никто и никогда. Нежным бархатистым голосом она приветствовала нас словами: «Как давно вы ко мне не заходили!» Официант Федор усадил нас на бархатный пурпурный диван, и я смог разглядеть на стенах этого удивительного ресторана многочисленные пейзажи XIX века. Я помню также три или четыре вещи работы Эрте, русского художника в Париже, с которым я в те же годы познакомился. Атмосфера была наполнена ощущением тепла, с примесью аромата ностальгии и еще чего-то неуловимо душевного.

Ужин был в разгаре, когда Людмила села за рояль. Ее общение с публикой показалось мне великолепным. Перемишывая поочередно «песни грусти» и «песни веселья», она неизменно достаивалась бурных аплодисментов, при этом произнося: «Какая публика, просто замечательно!» Все были так счастливы и так веселы от шампанского, что не грустили даже при получении счета. Это было великолепно!

С тех пор каждый раз поход к Людмиле становился для меня праздником. Помню Пасхальный ужин у нее с хореографом Валерием Пановым и Машей Зониной.

Помню ужин с принцессой Ириной Строчи, с ее мамой певицей Натальей Рэн и Владимиром Деревянко.

Для меня лично 1980-е годы были незабываемой эпохой в Париже, которые шли под звуки песен Людмилы Лопато. Тогда я впервые купил ее кассету и влюбился в этот голос. Романсы «Я слушаю тебя внимательно и чутко», так же как и «Твои глаза зеленые» в исполнении Людмилы Лопато стали для меня настоящим утешением в трудные минуты, когда о приезде в Россию мы и помышлять не могли.

Одно время в те же годы я писал статьи об эмиграции и эмигрантах для парижской газеты «Русская мысль». Задумав рассказать о театре эмиграции, я отправился к Людмиле Лопато в ресторан днем, в неурочный час, с тем чтобы записать ее воспоминания. Увы, она была тогда страшно занята своим делом. Но и по коротким рассказам я понял, что в ее воспоминаниях есть материал на целую книгу. А потом Людмила Ильинична переехала в Канны. Мы не потеряли связи. Первое время я навещал ее с друзьями из Ниццы, потом с Владимиром Рэнном, а после кончины ее мужа Джонни я предложил, дабы развеять грусть, написать вместе со мной книгу — ту, которая перед вами.

Долгие дни просиживали мы на террасе в ее каннской квартире с видом на сад с пальмами. С диктофоном в руках мы попивали чай с пирожками из русской кулинарии, перескакивая от одной эпохи к другой, пока наконец, много месяцев спустя, наша общая работа не выстроилась в цельный рассказ.

На помощь приходила замечательная Мила, родственница Людмилы, помогавшая мне, будучи уже в Париже, дополнить и развить воспоминания. И, конечно, в Москве нашим верным союзником в работе над этой книгой стала талантливая журналистка и чуткий человек Елена Дьякова. Без ее ценнейших дополнений при со-

ставлении комментариев эта книга, вероятно, никогда бы не была опубликована.

При подборе иллюстраций, кроме личного архива Людмилы Ильиничны Лопато в Каннах, мы использовали ценные дополнения из нью-йоркского архива ее сына Делано Гарвича и мои собственные парижские архивы.

Спасибо вам всем, подарившим русскому читателю книгу, полную любви, радости и ностальгии!

*Людмила Лопато.
Париж, начало 1980-х гг.*

Александр Васильев
Париж — Сидней, 26 сентября 2002 г.

Перед тем как вы начнете читать, я хочу поблагодарить моего близкого друга, талантливую во всем и замечательно образованную Милу Зайончковскую, которая очень помогла мне в этой работе.

Литературной обработкой моих текстов в Москве, а также составлением комментариев к этой книге занималась талантливая журналистка Елена Дьякова, и я выражаю ей большую благодарность за это.

Людмила Лопато
Канны, 12 марта 2002 г.

Рекламный плакат акционерного общества «А. Лопато и сыновья», выпускавшего табачные изделия в Чите и Харбине, середина 1920-х гг.

Глава первая

*Моя родина. Моя судьба.
Мои мама и папа,
«люди стиля модерн»*

Я родилась в стране, которой нет. Увы, уже много лет нет на картах. Она есть лишь в моей памяти. Страна эта называлась Маньчжурией.

За свою жизнь я сменила много стран и городов.

Долго жила в Париже. Несколько лет в Нью-Йорке и Голливуде.

А теперь живу в департаменте Приморские Альпы, на Юге Франции, в Каннах.

По крови я караимка. Но город Харбин, где я родилась, моя семья, уклад ее жизни, мысли и принципы, мое образование — все было исконно русским.

И вся моя жизнь неотделима от русского театра, русской музыки, русской песни.

Я застала на свете последнее поколение русских XIX века — промышленников, офицеров, прямых и сдержанных гимназических учителей, восторженных гувернанток, престарелых великих князей, известных меценатов и филантропов, таких как мои старшие парижские друзья — семья Щукиных и Альма Эдуардовна Полякова, примадонны Мариинской императорской

сцены Матильда Кшесинская и Медея Фигнер, учившая меня искусству пения.

Я помню многих людей Серебряного века, таких как князь Феликс Юсупов, князь Сергей Волконский — директор Императорских театров и директор Русской консерватории в Париже (там я училась); помню таких легендарных людей, как Анна Павлова, Федор Шаляпин, Добужинский, Иза Кремер, Вертинский, Тэффи, Вячеслав Туржанский и Наталия Кованько, актеры Художественного театра Александр Вырубов, Поликарп Павлов, Вера Греч.

Я хорошо знала людей первой русской эмиграции, к которой сама принадлежала по рождению, благодаря сложившимся обстоятельствам и особому духу, — декоратора Эрте, Сержа Лифаря, артистов эпохи «Русского балета Монте-Карло» Ирину Баронову, Тамару Туманову, Давида Лишина. Знала я знаменитых русских мане-

Семья Лопато в Харбине, начало 1920-х гг.

Вид центральной улицы в городе Харбине, 1920-е гг.

кенщиц и красавиц эпохи ар-деко графиню Лизу Граббе, Тею Бобрикову, Ариадну Гедеонову, Кису Куприну.

Я видела Голливуд в эпоху его величия, в 1940-х годах. Встречала Грету Гарбо, Ингрид Бергман, Мишель Морган, Луиса Буньюэля. И конечно, «русских голливудцев» — Анну Стен, Марию Успенскую, Акима Тамирова, продюсера Бориса Мороза.

В послевоенном Париже я пела в кабаре «Казанова» и «Динарзад». Потом несколько десятилетий владела рестораном «Русский павильон». Он был очень любим в Париже 60-х–90-х годов. К нам приходили Джина Лоллобриджида, Софи Лорен, Роми Шнайдер, Марина Влади, Анна Маньяни, Шарль Азнавур, Шон О'Коннери, Карл Лагерфельд. И русские эмигранты «третьей волны» — Наталья Макарова, Галина Вишневская, Мстислав Ростропович, Рудольф Нуреев, Александр Галич, Олег Целков.

В «Русском павильоне» кутили аристократы, носители древнейших европейских и азиатских фамилий —

Люся и Володя в Токио в японских костюмах

Бурбоны, Полиньяки, принцессы Монако и Саудовской Аравии, бывшая шахиня Ирана.

Моя жизнь удивляет меня саму — так много стран, театральных залов, гостиных, ночных ресторанов и кабаре пересекла линия моей судьбы! Так много было встреч! Так много незабываемых, гордых и блистательных человеческих лиц! Так много радости... Впрочем, и печали.

Прежнюю Россию я знала только понаслышке. Новая, советская Россия не стояла у меня за спиной — в отличие от тех, кто в ней родился, — вечным укором. Иногда я говорю с улыбкой, что кажусь сама себе, где бы ни жила и что бы ни делала, декоративным элементом «стиля рюсс», таким огненным завитком на шелковой шали.

Но я никогда не прилагала усилий, чтобы стилизовать этот «стиль рюсс»! Возможно, он просто был моей сутью и судьбой. Хотя жизнь моя прошла вдали от России.